

ГЛАВА I

Блаженств бесчисленно в темной дикой пуше,
Отрад немало мрачный брег таит,
Есть музыка и в вое волн ревущих,
А в пустоте согласие царит.
Люблю природу, смертный мне претит.
Лишь с ней наедине я забывал,
Чем был, чем быть бы мог и чем не стал,
И, бесконечный мир в себе скрывая,
Не выражу в словах, но ощущаю.

Байрон. «Чайльд-Гарольд»¹

События производят на воображение человека такое же действие, как время. Тому, кто много поездил и много повидал, кажется, будто он живет на свете давным-давно; чем богаче история народа важными происшествиями, тем скорее ложится на нее отпечаток древности. Иначе трудно объяснить, почему летописи Америки уже успели приобрести такой достопочтенный облик. Когда мы мысленно обращаемся к первым дням истории колонизации, период тот кажется далеким и туманным; тысячи перемен отодвигают в нашей памяти рождение наций к эпохе столь отдаленной, что она как бы теряется во мгле времен. А между тем, четырех жизней средней про-

¹ Перевод Н. Сидемон-Эристави.

должительности было бы достаточно, чтобы передать из уст в уста в виде преданий все, что цивилизованный человек совершил в пределах американской республики. Хотя в одном только штате Нью-Йорк жителей больше, чем в любом из четырех самых маленьких европейских королевств и во всей Швейцарской конфедерации, прошло всего лишь двести лет с тех пор, как голландцы, основав свои первые поселения, начали выводить этот край из состояния дикости. То, что кажется таким древним благодаря множеству перемен, становится знакомым и близким, как только мы начинаем рассматривать его в перспективе времени.

Этот беглый взгляд на прошлое должен несколько ослабить удивление, которое иначе мог бы почувствовать читатель, рассматривая изображаемые нами картины, а некоторые добавочные пояснения воскресят в его уме те условия жизни, о которых мы хотим здесь рассказать. Исторически вполне достоверно, что всего сто лет назад такие поселки на восточных берегах Гудзона¹, как, например, Клаверак, Киндерхук и даже Покипси², не считались огражденными от нападения индейцев. И на берегах той же реки, на расстоянии мушкетного выстрела от верфей Олбани³, еще до сих пор сохранилась резиденция млад-

¹ Гудзон — большая река, берущая начало в Адирондакских горах и впадающая в Атлантический океан у Нью-Йорка. Получила свое имя в честь английского мореплавателя Генри Гудзона, который в 1609 году поднялся по реке до места, где стоит теперь город Олбани.

² Покипси — город на берегу Гудзона (в его нижнем течении). Основан голландцами в 1690 году.

³ Олбани — один из старейших городов США. Основан голландцами в 1614 году на берегу Гудзона. Теперь административный центр штата Нью-Йорк.

шей ветви Ван-Ренселеров¹ — крепость с бойницами, проделанными для защиты от того же коварного врага, хотя постройка эта относится к более позднему периоду. Такие же памятники детства нашей страны можно встретить повсюду в тех местах, которые ныне слывут истинным средоточием американской цивилизации. Это ясно доказывает, что все наши теперешние средства защиты от вражеского вторжения созданы за промежуток времени, немногим превышающий продолжительность одной человеческой жизни.

События, рассказанные в этой повести, происходили между 1740 и 1745 годами. В то время были заселены только четыре графства колонии Нью-Йорк, примыкающие к Атлантическому океану, узкая полоса земли по берегам Гудзона, от устья до водопадов вблизи истока, да несколько соседних областей по рекам Мохоку² и Скохари³. Широкие полосы девственных дебрей покрывали берега Мохока и простиралось далеко вглубь Новой Англии⁴, скрывая в лесной чаще обутого в бесшумные мокасины⁵ туземного воина, шагавшего по таинственной и кровавой тропе войны. Если взглянуть с высоты птичьего полета на всю область к востоку от Миссисипи,

¹ В а н - Р е н с е л е р ы — крупные землевладельцы голландского происхождения. Обосновались недалеко от города Олбани еще в 1630 году.

² М о х о к — приток Гудзона, впадающий в него несколько севернее города Олбани.

³ С к о х а р и — приток Мохока.

⁴ Н о в а я А н г л и я — область в северо-восточной части США, прилегающая к Атлантическому океану. Она раньше всего была колонизована переселенцами из Англии.

⁵ М о к а с и н ы — индейская обувь из кожи, украшенная бисером, мехом и кусочками цветного сукна.

взору наблюдателя представилось бы необъятное лесное пространство, окаймленное близ морского берега сравнительно узкой полосой обработанных земель, усеянное сверкающими озерами и пересеченное извиляющимися линиями рек. На фоне этой величественной картины уголок страны, который мы хотим описать, показался бы весьма незначительным. Однако мы будем продолжать наш рассказ в уверенности, что более или менее точное изображение одной части этой дикой области даст достаточно верное представление о ней в целом, если не считать мелких и несущественных различий.

Каковы бы ни были перемены, производимые человеком, вечный круговорот времен года остается незыблемым. Лето и зима, пора сева и пора жатвы следуют друг за другом в установленном порядке с изумительной правильностью, предоставляя человеку возможность направить высокие силы своего всеобъемлющего разума на познание законов, которыми управляется это бесконечное однообразие и вечное изменение. Столетиями летнее солнце обогрело своими лучами вершины благородных дубов и сосен и посылало свое тепло даже прячущимся в земле упорным корням, прежде чем послышались голоса, перекликавшиеся в чаще леса, зеленый покров которого купался в ярком блеске безоблачного июньского дня, в то время как стволы деревьев в сумрачном величии высились в окутывавшей их тени. Голоса, очевидно, принадлежали двум мужчинам, которые сбились с пути и пытались найти потерявшуюся тропинку. Наконец торжествующее восклицание возвестило об успехе поисков, и затем какой-то высокого роста человек выбрался из лабиринта мелких болот на поляну, образовавшуюся,

видимо, частично от опустошений, произведенных ветром, и частично под действием огня. Отсюда хорошо было видно небо. Сама поляна, почти сплошь заваленная стволами высохших деревьев, раскинулась на склоне одного из тех высоких холмов или небольших гор, которыми пересечена едва ли не вся эта местность.

— Вот здесь можно перевести дух! — воскликнул лесной путник, отряхиваясь всем своим огромным телом, как большой дворовый пес, выбравшийся из снежного сугроба. — Ура, Зверобой! Наконец-то мы увидели дневной свет, а там и до озера недалеко.

Едва только прозвучали эти слова, как второй обитатель леса раздвинул болотные заросли и тоже вышел на поляну. Наскоро приведя в порядок свое оружие и истрепанную одежду, он присоединился к товарищу, уже расположившемуся на привале.

— Ты знаешь это место? — спросил тот, кого звали Зверобоем. — Или закричал просто потому, что увидел солнце?

— И по той и по этой причине, парень! Я узнал это местечко и очень рад, что снова вижу такого верного друга, как солнце. Теперь румбы компаса у нас опять перед глазами, и если мы еще раз собьемся с пути, то сами будем виноваты. Пусть меня больше не зовут Гарри Непоседа, если это не то самое место, где прошлым летом разбили свой лагерь и прожили целую неделю «охотники за землей»¹. Гляди: вот су-

¹ «Охотниками за землей» называли в те времена людей, бродивших по девственным лесам Северной Америки в поисках плодородной земли. Найдя подходящий участок, «охотник за землей» вырубал и выжигал на ней лес и распаивал его. Собрав несколько урожаев, «охотник» забрасывал свой участок и вновь принимался бродить по лесу в поисках плодородных, еще не истощенных посевами земель.

хия ветви от их шалаша, а вот и родник. Нет, малый, как ни люблю я солнце, я не нуждаюсь в нем, чтобы знать, когда наступает полдень: мое брюхо не уступит лучшим часам, какие можно найти в Колонии¹, и оно уже прозвонило половину первого. Итак, развяжи котомку, и подкрепимся для нового шестичасового похода.

После этого предложения оба занялись необходимыми приготовлениями к своей, как всегда, простой, но обильной трапезе. Мы воспользуемся перерывом в их беседе, чтобы дать читателю некоторое представление о внешности этих людей, которым суждено играть немаловажную роль в нашей повести. Трудно встретить более благородный образчик мужественной силы, чем тот из путников, который назвал себя Гарри Непоседой. Его настоящее имя было Генри Марч; но так как обитатели пограничной полосы заимствовали у индейцев обычай давать людям всевозможные клички, то чаще вспоминали его прозвище Непоседа, чем его подлинную фамилию. Нередко также называли его Гарри Торопыгой. Обе эти клички он получил за свою беспечность, порывистые движения и чрезвычайную стремительность, заставлявшую его вечно скитаться с места на место, отчего его и знали во всех поселках, разбросанных между британскими владениями и Канадой². Шести футов четырех дюймов³ росту, Гарри Непоседа был при этом очень пропорционально сложен, и его физическая сила вполне соответствовала его гигантской фигуре. Лицо — под стать всему остальному — было

¹ Колония — здесь: Олбани.

² Канадой называли тогда французские поселения в Северной Америке на реке Святого Лаврентия.

³ То есть около 190 сантиметров.

добродушно и красиво. Держался он очень непри-
нужденно, и, хотя суровая простота пограничного
быта неизбежно сказывалась в его обхождении, вели-
чаявая осанка смягчала грубость его манер.

Зверобой, как Непоседа называл своего товарища,
и по внешности, и по характеру был совсем иного
склада. Около шести футов росту, он выглядел срав-
нительно худым и тщедушным, но его мускулы обли-
чали чрезвычайную ловкость, если не чрезвычайную
силу. Его молодое лицо нельзя было назвать осо-
бенно красивым, и только выражением своим оно
подкупало всякого, кто брал на себя труд взглянуть
в него более внимательно. Выражение это, свидетель-
ствовавшее о простосердечии, безусловной правди-
вости, твердости характера и искренности чувств,
было поистине замечательно.

Сначала даже могло показаться, что за просто-
душной внешностью скрывается затаенная хитрость,
однако при ближайшем знакомстве это подозрение
тотчас же рассеивалось.

Оба пограничных жителя были еще очень моло-
ды. Непоседе едва сравнялось лет двадцать шесть —
двадцать восемь, а Зверобой был и того моложе. Оде-
жда их не заслуживает особого упоминания; надо
только заметить, что она была сшита главным обра-
зом из оленьих шкур — явный признак того, что ее
владельцы проводили жизнь в бесконечных лесах, на
самой окраине цивилизованного общества. Тем не
менее в одежде Зверобоя чувствовалась забота о не-
котором щегольстве, особенно заметная на оружии
и на всем охотничьем снаряжении. Его карабин нахо-
дился в полной исправности, рукоять охотничьего
ножа была покрыта изящной резьбой, роговая поро-
ховница украшена подобающими эмблемами и на-

сечкой, а ягдташ обшит индейским вампумом¹. Наоборот, Гарри Непоседа, по свойственной ли ему небрежности или из тайного сознания, что его нарядность не нуждается в искусственных прикрасах, был одет кое-как, словно выражая этим свое презрение ко всяким побрякушкам.

— Эй, Зверобой, принимайся за дело и докажи, что у тебя делаварский желудок: ты ведь говоришь, что тебя воспитали делавары!² — крикнул Непоседа и подал пример товарищу, засунув себе в рот такой кусок дичины, какого хватило бы европейскому крестьянину на целый обед. — Принимайся, парень, и докажи-ка лани своими зубами, что ты мужчина, как ты уже доказал ей это ружьем.

— Нет, нет, Непоседа, не так уж много мужества надо, чтобы убить лань, да еще в эту пору. Вот уложить дикую кошку или пантеру — это другое дело, — возразил Зверобой, готовясь последовать совету товарища. — Делавары дали мне прозвище не за отважное сердце, а за зоркий глаз и проворные ноги. Застрелить оленя, конечно, еще не значит быть трусом, но для этого не нужно и особой храбрости.

— Делавары и сами не герои, — невнятно пробормотал Непоседа, у которого был полон рот. —

¹ В а м п у м — разноцветные бусы из раковин, служившие североамериканским индейцам для украшений. Нанизанный на нить, вампум употреблялся в качестве денежной единицы. Вампум в форме пояса, или перевязи, заменял документы в общественных делах индейцев.

² Д е л а в а р ы, или л е н н и-л е н а п е, как они сами себя называли, — индейское племя, населявшее в XVII—XVIII веках долину Делавар и побережье Атлантического океана до нынешней Северной Каролины. Они создали могучий союз племен, боровшийся с ирокезским племенным союзом. Делавары по большей части выступали союзниками англичан.

Иначе проклятые бродяги минги¹ не превратили бы их в баб.

— Этого никто толком не знает и не понимает, — сказал серьезно Зверобой, который мог быть таким же надежным другом, как его товарищ — опасным врагом. — Минги наполнили леса своей ложью и кривотолками. Я прожил с делаваарами десять лет и знаю, что, если дойдет до драки, они не уступят в храбрости любому другому народу.

— Слушай, мастер Зверобой, раз уж мы об этом заговорили, то почему бы нам не открыться друг другу, как мужчина мужчине? Ответь мне на один вопрос. Тебе так везло на охоте, что ты даже прославился. Но подстрелил ли ты хоть разок человека? Случалось ли тебе целиться во врага, который тоже способен спустить курок на тебя?

Этот вопрос вызвал в груди юноши своеобразную борьбу между желанием побахвалиться и честностью. Чувства эти отразились на его простодушной физиономии. Борьба длилась, впрочем, недолго. Сердечная прямота восторжествовала над ложной гордостью.

— По совести говоря, ни разу, — ответил Зверобой, — для этого не представлялось подходящего случая. Делаваары жили в мире со всеми соседями, пока я гостил у них, а я считаю, что человека можно лишить жизни только во время открытой и законной войны.

— Как? Неужели ты ни разу не накрыл с поличным какого-нибудь парня, воровавшего у тебя шку-

¹ Минги — так презрительно называли делаваары гуронов, или венандотов, принадлежавших к одной из групп ирокезских племен, живших в XVII—XVIII веках по берегам озер Онтарио и Гурона и реки Святого Лаврентия. Гуроны вели длительную борьбу с делаваарами во время англо-французских войн они поддерживали французов.

ры или дичь из капканов? Неужто ты не расправился с ним по-свойски, чтобы избавить соседей от хлопот, а виновного от судебных издержек?

— Я не траппер¹, Непоседа, — ответил юноша гордо. — Я добываю себе на жизнь карабином и с этим оружием в руках не боюсь ни одного мужчины моих лет между Гудзоном и рекой Святого Лаврентия. На шкурах, которые я продаю, всегда бывает еще одна дыра, кроме тех, что создала сама природа для зрения и дыхания.

— Ай, ай, все это хорошо на охоте, но никуда не годится там, где речь идет о скальпах и засадах! Подкараулить и подстрелить индейца — это значит воспользоваться его же собственными излюбленными приемами. К тому же у нас теперь законная, как ты говоришь, война. Чем скорее ты смоешь такое пятно со своей совести, тем спокойнее будешь спать хотя бы от сознания, что по лесу бродит одним врагом меньше. Я недолго буду водить с тобой компанию, друг Натти, если ты не найдешь зверя немало повыше четырех футов, чтобы попрактиковаться в стрельбе.

— Наше путешествие близится к концу, мастер Марч, и, если хочешь, мы расстанемся сегодня же вечером. Меня в здешних местах поджидает приятель, он не погнушается человеком, который еще не убил никого из своих ближних.

— Хотел бы я знать, что привело сюда этого проныру-делаваара в такое раннее время года? — пробормотал Непоседа с видом, одновременно выражавшим и недоверие и презрение. — И где, говоришь ты, молодой вождь назначил тебе свидание?

¹ Т р а п п е р о м называют в Америке человека, добывающего пушных зверей с помощью капканов и ловушек.

— У невысокого утеса на озере, там, где, как мне говорили, индейские племена сходятся, чтобы заключать договоры и закапывать в землю свои боевые топоры. Об этом утесе я часто слышал от делаваров, хотя мне самому и озеро и утес совершенно незнакомы. Этой страной сообща владеют минги и могоканы¹: в мирное время оба племени охотятся здесь и ловят рыбу, но одному богу известно, что может там твориться во время войны.

— «Сообща»! — воскликнул Непоседа, громко расхохотавшись. — Хотелось бы мне знать, что сказал бы на это Плавучий Том — Хаттер. По праву пятнадцатилетнего бесспорного владения он считает озеро своей собственностью и не уступит его без боя ни мингам, ни делаварам.

— А как посмотрят в Колонии на этот спор? Ведь земля должна иметь какого-нибудь владельца. Колонисты готовы поделить между собой пустыню даже там, куда они и носа не смеют показать.

— Так, быть может, делается в других местах, Зверобой, но только не здесь. Ни одна живая душа не владеет даже пядью земли в этой части страны. Перо никогда не прикасалось к бумаге, чтобы закрепить за кем-нибудь здешние холмы и долины. Старый Том не раз говорил мне об этом. Вот почему он требует, чтобы его считали здесь единственным хозяином. А если он чего-нибудь требует, то уж сумеет постоять за себя.

— Судя по всему, что я от тебя слышал, Непоседа, этот Плавучий Том не совсем обыкновенный человек. Он не минг, не делавар и не бледнолицый.

¹ М о г и к а н е — индейское племя, жившее в нижнем течении Гудзона. Могоканы входили в племенной союз делаваров. Племя это вымерло целиком.

По твоим словам, он владеет озером уже очень давно. Что же это за человек? Какой он породы?

— Старый Том скорее водяная крыса, чем человек. Повадками он больше походит на это животное, чем на себе подобных. Иные думают, что в молодые годы он гулял по морям и был товарищем известного пирата Кида, которого повесили гораздо раньше, чем мы с тобой успели родиться. Том поселился в здешних местах, полагая, что королевские корабли никогда не переплывут через горы и что в лесах он может спокойно пользоваться награбленным добром.

— Он ошибается, Непоседа, очень ошибается. Человек нигде не может спокойно пользоваться награбленным добром.

— Он, вероятно, думает об этом иначе. Я знал людей, которым жизнь была не в жизнь без развлечений; знавал и других, которые лучше всего чувствовали себя, сидя в своем углу. Знал людей, которые до тех пор не успокоятся, пока кого-нибудь не ограбят; знавал и таких, которые не могли себе простить, что когда-то кого-то ограбили. Человеческая природа очень причудлива. Но старый Том сам по себе. Награбленным добром, если только оно у него есть, он пользуется очень спокойно. Живет себе припеваючи вместе со своими дочками.

— Ах, так у него есть дочери! От делаваров, которые охотились в здешних местах я слышал целые истории про этих молодых девушек. А мать у них есть, Непоседа?

— Когда-то была. Но она умерла и была брошена в воду года два назад.

— Как так? — воскликнул Зверобой, с удивлением глядя на товарища.

— Умерла и брошена в воду, говорю я — и надеюсь, что на достаточно чистом английском языке. Старик спустил тело жены в озеро, когда увидел, что ей пришел конец. Я могу это засвидетельствовать, потому что лично присутствовал при этой церемонии. Но хотел ли он избавить себя от труда рыть могилу — что не так-то легко в лесу среди корней, — или считал, что вода лучше смывает грехи, чем земля, право, не берусь сказать.

— Должно быть, бедная женщина была большая грешница, если муж не хотел потрудиться для успокоения ее косточек.

— Не слишком большая грешница, хотя у нее были свои недостатки. Я думаю, что Джудит Хаттер была достойная женщина, насколько это возможно для женщины, жившей так долго вдали от церковного звона, но, по-видимому, Том считал, что потрудился для нее совершенно достаточно. Правда, у нее в характере было немало стали, и так как старик Хаттер — настоящий кремень, то подчас между ними вспыхивали искры. Но, в общем, можно сказать, что они жили довольно дружно. Когда они начинали ссориться, слушателям удавалось порой заглянуть в их прошлое, как можно заглянуть в темные чащи леса, если заблудившийся солнечный луч пробьется к корням деревьев. Но я всегда буду почитать Джудит, потому что она была матерью такого создания, как Джудит Хаттер, ее дочка.

— Да, делавары упоминали имя «Джудит», хотя и произносили его на свой лад. Судя по их рассказам, не думаю, чтобы эта девушка была в моем вкусе.

— В твоем вкусе! — воскликнул Марч, взбешенный равнодушным и высокомерным тоном товарища. — Какого черта ты суешься со своим вкусом,